

И.Н. Буздалов

В статье излагаются концептуальные и прикладные аспекты Крестьянской реформы 1861 г., рассматриваемые сквозь призму ее исторических уроков и просчетов в проведении современных аграрных преобразований в России. Подчеркивается значение и необходимость системного подхода к реформированию, даются обоснования его использования в целях предотвращения происходящей деградации трудового потенциала села, радикального улучшения социально-экономического положения крестьянства и необходимых для этого принципиальных изменений проводимой в настоящее время в стране аграрной политике.

Ключевые слова: крестьянство, Крестьянская реформа, Столыпинская аграрная реформа, большевистские эксперименты над крестьянством, современные аграрные преобразования, социальная сфера села, уровень жизни крестьянства, аграрная политика, «перекачка» результатов крестьянского труда, аграрный протекционизм.

Необходимость освобождения крестьянства России от крепостной зависимости и осуществление других мер по реформированию сложившейся в стране к середине XIX в. системы аграрных отношений становились все более очевидными, поскольку крепостничество являлось одной из основных причин отсталости России, которые привели к ее поражению в Крымской войне 1853–1856 гг., общему расстройству общественной

© Буздалов И.Н., 2011 г.

жизни в государстве. Важным аргументом в пользу радикальных аграрных преобразований являлся опыт передовых стран Европы, в которых свободные от крепостной зависимости крестьяне-собственники стали решающей силой не только развития и процветания сельского хозяйства, но и общего социально-экономического прогресса. Отмечая объективную основу взаимосвязи формирования этих условий с достижением общего прогресса и благополучия в государстве, ее практическую очевидность, Ф.М. Достоевский писал: «И порядок, и законы, и нравственность, и даже сам ум нации, и наконец, всякое правильное отправление национального организма организуется тогда, когда в стране утвердятся прочное земледелие... Каков характер земледелия, таков характер нации».

Фундаментальное значение этой взаимосвязи отмечал Д.И. Менделеев (утверждавший, что защита земли и землевладельца «равносильна» защите государства), выдающиеся умы России и других стран. Но и без отсылок к «авторитетам» для всякого не обделенного разумом и здравым смыслом такая взаимосвязь является аксиомой. Ее объективная обусловленность вытекает из исторической роли крестьянства как «корневой системы», первичной созидательной силы общества, производителя «самого первого условия» существования человеческого рода как первоосновы всего национального организма государства. Российская история особенно показательна именно в том, что этот организм почти всегда находился в постоянном, подрывавшем порядок и нравственность в государстве расстройстве, обусловленном беспрецедентным расстройством социальных условий жизнедеятельности крестьянства, наиболее выраженном его крепостной зависимостью. Вследствие этого задача проведения направленной на отмену крепостничества аграрной реформы стала не только крайне необходимой, но и неотложной.

ПОДГОТОВКА И СТРАТЕГИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

В подготовке и осуществлении реформы выделяются концептуальные подходы и конкретные решения, которые необходимо было использовать как поучительные уроки, учет которых в процессе рыночных преобразований в сельском хозяйстве, начатых с 1991 г., позволил бы избежать огромных неоправданных издержек реформирования, очевидных разрушительных последствий этих преобразований. Таких основных уроков, по крайней мере, три. Первый из них – основательность и публичность подготовки реформы, обоснование и широкое обсуждение ее концепции, тщательная комплексная разработка взаимосвязанных конкретных направлений осуществления в рамках *системных преобразований жизнедеятельности крестьянства*. Второй урок – *последовательность* осуществления реформы в течение *определенного переходного периода*, исключение поспешности, шоковых мер. И наконец, третий – *целенаправленное государственное регулирование процессов реформирования земельных и всей системы аграрных отношений*, целевая государственная поддержка конкретных, в первую очередь *приоритетных*, мер и решений с использованием соответствующего действенного правового и экономического механизма, взвешенной ценовой, кредитно-финансовой, налоговой политики.

Не все в этих подходах и решениях было использовано в полной мере, но они являлись основополагающими в самой концепции реформирования, основанного на системном подходе, в котором реформирование аграрных отношений являлось определяющей, но составной частью преобразований других сфер и институтов государства.

В царском манифесте от 19 февраля 1861 г. эта общая концептуальная сторона системного подхода к намеченным преобразованиям дана в следующей политической целевой установке: «да утвердится и совер-

шенствуется ея (России) внутреннее благоустройство; правда и милость да царствует в ея судах; да развиваются повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, равно покровительствующих, да сохраняется и улучшается общественная нравственность, сей вернейший залог порядка и счастья». Эти присущие социальному государству принципы нашли свое отражение во всей сложной и масштабной работе по реформированию начиная с организации самой подготовки грядущих преобразований, определения стратегии и системы мер по освобождению крестьян от крепостной зависимости, развитию просвещения, установлению справедливого правосудия и т.д.

В течение ряда лет работали официально утвержденные комитеты, комиссии, рабочие группы, в которых принимали участие просвещенные государственные деятели, видные экономисты, юристы, социологи, среди них Н.Х. Бунге, Н.А. Милютин, Я.А. Соловьев, Я.И. Ростовцев, Ю.Ф. Самарин, П.А. Валуев и многие другие, включая прогрессивных членов царской семьи, прежде всего Великой Княжны Елены Павловны, которая одна из первых в мае 1859 г. освободила 15 тыс. собственных крепостных, а позже непосредственно участвовала в работе редакционной комиссии. В 1858–1860 гг. проблемы реформы широко обсуждалась в прессе, научных и общественно-политических журналах и специальных изданиях, причем материалы этих обсуждений использовались и учитывались в указанных комиссиях и комитетах. Только Н.Г. Чернышевский в журнале «Современник» за эти годы опубликовал 53 научные рецензии на статьи многих ученых и практиков, помещенных в журнале «Сельское благоустройство», «Журнал земледельцев», «Русский вестник» и т.д. Обоснования и предложения по реформе затрагивали практически весь комплекс вопросов ее последовательного системного осуществления в течение определенного (примерно 20-летнего) переходного

периода. На всем этом фоне говорить о серьезной концептуальной и практической подготовке современной аграрной реформы не приходится. Сейчас трудно даже назвать ее конкретных ответственных разработчиков, поскольку все в спешке принимали малоизвестные или забытые ныне реформаторы-чиновники.

То же самое можно сказать о переходном периоде. При подготовке крестьянской реформы в комитетах и комиссиях преобладающим был курс на эволюционную стратегию преобразований, последовательность и длительность их осуществления, учет региональных особенностей, особенно отношения к реформам самих реформируемых. «В таком жизненно важном деле, как сельское хозяйство, – отмечал видный государственный деятель и реформатор С.Ю. Витте, – едва ли целесообразно предпринимать какие-либо меры, не спросив мнения тех, кто близко стоит к земледелию и кому лично известны его слабые стороны и насущные требования».

В этом смысле ситуация в силу инерции среди разных социальных слоев деревни была неоднозначной, часто противоречивой. Склонные к трудолюбию и самостоятельному хозяйствованию крестьяне одобряли курс реформ, что имело принципиальное значение во всем процессе аграрных преобразований. Как «культурные хозяева», судя по мировому опыту, именно они, несмотря на деревенское меньшинство, являлись базовым человеческим фактором прогресса в сельском хозяйстве, его технической и технологической модернизации. За реформу стояли и малопоместные, обедневшие «дворянские гнезда». От многих «душевладельцев» потенциальные бедняки и даже середняки, тем более от «хорошего» барина, не спешили уходить, хотя и они не выступали против реформы. Не приветствовали ее лишь разбогатевшие на эксплуатации крестьян крепостники, один из которых В.Н. Панин после смерти реформатора Я.И. Ростовцева в начале 1860 г. даже возглавил редакционную комиссию. Под его влиянием, а также других поклонников старины

(по словам С.Ю. Витте, «старьевщиков»), несмотря на намерения царя «довести реформу до конца», в окончательные положения по ее проведению вносились компромиссные формулировки, что фактически повторилось при разработке, в частности закона «О сельскохозяйственной кооперации» (1995 г.), других правовых и нормативных актов по современному реформированию аграрных отношений.

Созданные из губерний представители, обсуждавшие подходы к раскрепощению крестьян и формированию новой системы аграрных отношений, предложенные комиссией Панина, в процессе затяжных дискуссий и уступок явным крепостникам в конечном счете тоже сошлись на компромиссной формулировке концепции реформы. Ее основной земельный раздел включал следующие главные принципы: 1) крестьяне получают экономическую свободу без выкупа земли; 2) крестьяне наделяются землей по определенным нормам в постоянное пользование; 3) крестьяне обретают право частной собственности на землю в случае ее выкупа у помещиков, оставаясь до этого временнообязанными, и 4) ставшие свободными крестьяне добровольно объединяются в сельские общины.

К манифесту 19 февраля 1861 г. прилагался пакет основательно разработанных, конкретизирующих его стратегические целевые установки правовых и нормативных документов. Одновременно и во взаимосвязи с аграрной реформой осуществлялись земская и судебная реформы. Урок основательности подготовки реформирования также не был в должной мере учтен в проводимых с начала 1990-х гг. аграрных преобразованиях. В конце 1991 г. был издан лишь краткий Указ Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», а в соответствии с ним 29 декабря принято постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Согласно постановлению эта реорганизация должна быть осуществлена в кратчайший срок, практически в течение 1992 г., причем на разработку, как сказано в постановлении, соответствующих

«инструкций» и создание комиссии по приватизации земель отводился месячный срок.

Основополагающий документ о проведении реформы состоял из 14 кратких тезисных пунктов и занимал 3 страницы машинописного текста. Региональная или какая-то другая конкретизация, хотя она предлагалась разработчиками, в документе отсутствовала. Составленный на компромиссах закон «О сельскохозяйственной кооперации» (1995 г.) оказался с очевидной «колхозной» начинкой, в связи с чем в системе АПК до сих пор не получило развития настоящее, объединяющее самостоятельных крестьян-собственников кооперативное движение. Крестьяне не чувствуют себя свободными в системе земельных отношений. Вместо обещанного права собственности на землю крестьяне лишаются бумажных земельных долей, а в целом эти отношения пронизаны закулисными и криминальными сделками.

Положительным уроком крестьянской реформы 1861 г. был отодвинутый на задний план в нынешних аграрных преобразованиях акцент на активное государственное регулирование процессов реформирования, а также правового и экономического обеспечения нормального хода этих процессов. Такое содействие определялось рядом законодательных актов, предметно разработанных положений и правил, в том числе касающихся региональных особенностей реформирования. Осуществлялись государственные меры по регулированию кредитно-финансовых отношений, налоговой системы, оказанию прямой или косвенной поддержки новому землеустройству. Так, например, предоставлялись государственные беспроцентные долгосрочные (на 49 лет) кредиты из расчета 80 коп. с рубля. Кредиты выдавались непосредственно землевладельцу, а возвращались крестьянам, причем остальные 20 коп. отрабатывались у помещика. Благодаря этому за предполагаемый примерно 20-летний переходный период (1861–1881 гг.) было выкуплено 80% временно обязанных ревизских душ. Комитет сельскохозяйственной консультации, другие

организации и общества по сельскому хозяйству оказывали крестьянам высокопрофессиональную помощь по проблемам организации производства, использования технических средств, аренде, продаж продукции, зарубежному опыту эффективного ведения хозяйства. В 1875 г. была издана основательно подготовленная «Настольная книга для русских сельских хозяев» с изложением в ней всего комплекса вопросов по научной организации сельскохозяйственного производства.

При всей прогрессивности крестьянской реформы, направленной на реализацию основополагающей общечеловеческой ценности – предоставление крестьянину гражданской и экономической свободы, история ее проведения оставляет уроки явно негативного плана. Прежде всего реформа была половинчатой, непоследовательной вследствие уступок и компромиссов с ее противникам, колебаний власти в осуществлении стратегического курса реформы – принципа социальной справедливости в отношении крестьянства, независимого правосудия и т.д. По словам С.Ю. Витте, крестьянин не приобрел равноправного с прочими сословиями социального статуса, а стал своего рода «полуперсоной», и хотя крестьянство «было освобождено от рабовладельцев, но оставалось в рабстве произвола, беззаконности и невежества, а при таком положении крестьянства государство не может мощно идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое предуказано ему природой вещей, а может быть судьбою», или, говоря языком науки, объективными закономерностями общественного развития.

Власть помещика над крестьянином заменялась властью чиновников, а господский произвол – местной и государственной бюрократией, дополнявшейся монополистскими ограничениями и барьерами на рынке сельскохозяйственной продукции, труда и капитала. Ограничение размеров землевладения для ведения высокотоварного «культурного» крестьянского хозяйства или, наоборот, сохранение гигантских латифундий, унижающее положение временнообязанных, инерция

«помыкать» крестьянством со стороны властей всех уровней, взяточничество и многое другое, присущее бюрократии и административному произволу, не соответствовали действительному обретению крестьянством гражданского и экономического равноправия в обществе. Не повторяется ли все это в нынешней политике и практике аграрных преобразований?

Взаимосвязанная с крестьянской земская реформа также имела недостатки принципиального характера. Обеспечение настоящего народного местного самоуправления при набравшем силу общинном закреплении крестьян не способствовало утверждению этого равноправия и негативно сказывалось на социальном положении крестьянства. Предводителями как уездных, так и губернских собраний по-прежнему оставались в основном дворяне, причем за деятельностью этих собраний в рамках административной вертикали власти надзирали губернаторы. В числе гласных уездных земских собраний крестьяне (преимущественно представители руководящей верхушки общин) имели 38% общего их числа, тогда как почти $\frac{9}{10}$ населения было крестьянским. (Невольно встает вопрос о нынешнем представительстве крестьян в органах местного самоуправления, не говоря уже об их депутатстве в региональных законодательных органах, а тем более в Государственной Думе или «сенаторстве» в Совете Федерации, в рядах «правящей» и других политических партиях, среди которых ныне нет ни крестьянской, ни аграрной партии при 27% крестьянского населения страны.)

Следует отметить, что при всех бюрократических ограничениях земские учреждения имели явные функциональные и экономические преимущества по сравнению с теми условиями и возможностями, которыми обладают современные органы местного самоуправления, особенно первичные – сельских поселений, как правило, лишенных финансовых ресурсов для какого-то серьезного улучшения социально-экономического положения крестьянства. Располагая этими ре-

сурсами, земства и сельские общества много делали для развития образования, культурно-бытового и медицинского обслуживания в деревне. Органы губернских земских учреждений внесли большой вклад в строительство сельских школ, подготовку для них учителей. Обеспечением школ учебниками занимались уездные земства, содержанием и ремонтом школ – сельские общества. Из всех расходов по содержанию народных училищ, которые с 1861 г. постоянно росли, 58% приходилось на земства. Одновременно возрастала роль государства в развитии социальной сферы села.

В рамках протекционистской поддержки проводимых преобразований использовались инструменты рыночного механизма, системы кредитования. Кредиты выдавались сроком на 24,5 и 34,5 года. Их получали единоличные крестьяне, общины (на одного человека соответственно 500 и 125 р.). Крестьянский поземельный банк поддерживал ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, обслуживавшие денежный оборот крестьянских хозяйств. Развитие кредитной кооперации способствовало формированию снабженческо-сбытовых и потребительских кооперативов. Проценты по кредитам не превышали 7–8%.

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Оценивая описанные далее неутешительные результаты и очевидные разрушительные последствия 20-летнего периода рыночных преобразований в сельском хозяйстве, прежде всего следует обратить внимание на связь этих результатов и последствий с деградацией трудового потенциала села, неблагоприятными социальными условиями жизни и работы крестьянства. Во многом, если не в решающей степени это зависит от сохраняющегося еще отношения государства к крестьян-

ству как «второсортному», по определению В. Даля, «низшему податному сословию», «постояннообязанному» донору.

Остается фактом, что в сознании людей из привилегированных или «передовых» классов и слоев общества, многих горожан, особенно «коренных», исторически сложилась и сохраняется привычка свысока, даже пренебрежительно смотреть на сельского жителя как на второсортного члена общества, а сам крестьянин по своего рода «традиции» во многом или целиком ощущать на себе эту второсортность. «Вклад» здесь внесли научные и прочие «авторитеты». Согласно марксистскому определению крестьянство – это «варвары, самый жалкий класс, когда-либо оставивший свой след в истории». «Развивая» эту мысль, великий «пролетарский» писатель М. Горький (в отличие от просто великого писателя Л.Н. Толстого, считавшего крестьянство главной опорой государства) рассматривал крестьян как сообщество «полудиках, почти страшных людей», обреченных на «вымирание». Возникли разного рода научные «концепции» и догмы о якобы закономерных «существенных различиях между городом и деревней», о правомерности выжимать из крестьянства соки для «первоначального (в том числе так называемого социалистического) накопления», «перекачки» результатов крестьянского труда, «дани» с крестьянства и т.д.

Между тем крестьянское сословие, как бы ни ставили на нем клеймо «черни», смердов, мужичья и т.д., было и остается «корневой системой» человеческого рода. Из игнорирующих общечеловеческие ценности псевдотеорий и догм, вопиющей социальной несправедливости и морально-нравственных извращений природы вещей «логически» следует наблюдавшееся на протяжении многих веков, особенно в эпоху феодализма, крепостного права (включая большевистское советское), унижение социального статуса крестьянина, этого «сеятеля и хранителя» государства. Неизмеримо горькая доля в этом унижении пришлось на российское крестьянство. Реформа 1861 г., а затем Столыпинская

аграрная реформа несколько ослабили, но коренным образом не улучшили этой доли. Главным образом вследствие этого сельское хозяйство России оставалось и во многом продолжает оставаться «гиблым местом» в экономике и обществе, а страна – в целом отстающей по многим определяющим критериям и показателям общественного развития.

Наоборот, отношение к крестьянству как равноправному социальному сословию общества, функционирующему в особых условиях повышенного риска и обеспечивающему все население незаменимой, жизненно важной продукцией, его приоритетная государственная поддержка явились решающим условием процветания самого сельского хозяйства и общего прогресса в развитии многих стран современного мира. Среди таких стран, в частности, выделяется Германия. Власти этой страны на протяжении длительного периода традиционно поддерживали такое отношение, которое содействовало улучшению социально-экономического положения крестьянства, вследствие чего, как резюмировал свои личные наблюдения М.Е. Салтыков-Щедрин, «у немецкого крестьянина и на песках хлеба растут буйные». Мало того, «у немца и коровам не житье, а рай...». Поэтому, например, при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенное и динамично развивавшееся сельское хозяйство сейчас производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства даже экспортируется.

Благополучие крестьянства, следовательно, сельского хозяйства в конечном счете определяет общее благополучие и устойчивое развитие страны, что Германия убедительно демонстрирует до сих пор. То же самое демонстрируют Швейцария, Норвегия, другие европейские страны.

Цель – обеспечить равноправие и на этой основе благополучие российского крестьянства – преследовала реформа 1861 г. И хотя социальный статус крестьянина был повышен, однако в основном он, по приведенному выше образному выражению С.Ю. Витте,

оставался «полуперсоной». Определенное движение в направлении укрепления социального престижа крестьянина и на этой основе прогресса в сельском хозяйстве дала Столыпинская реформа, но и она наткнулась на сопротивление тех же «старьевщиков», затянулась и в конечном счете к 1917 г. была свернута. Начались насильственные контрреформы в форме зловещих большевистских экспериментов над российским крестьянином, социальный статус (а вместе с тем и экономическое положение) которого был приведен в соответствие с известным марксистским «научным» определением этого многострадального сословия – как сообщества никчемных, «жалких» людей. Какая-то временная, облегчающая тяготы сельской жизни корректировка псевдосоциалистических преобразований произошла в короткий период нэпа. Однако затем крестьянство, особенно наиболее униженное и угнетаемое – колхозное, с головой погрузилось в беспросветную пучину советского крепостного права, а точнее – бесправия и беспощадной эксплуатации деревни с почти бесплатным рабским трудом ее обитателей.

Лишь с началом хрущевской «оттепели» государство стало робко и непоследовательно (к сожалению, по сути, в той же идеологической и практической манере) поворачиваться лицом к крестьянину, но, несмотря на определенное улучшение материального положения, в своем социальном статусе он так и не стал настоящей «персоной». Требовалось коренное реформирование всей системы аграрных отношений, действительное решение поднятого реформой 1861 г. «крестьянского вопроса», прежде всего утверждение принципа социальной справедливости по отношению к деревне со стороны государства и всего общества. Для этого в стратегии аграрной политики следовало соблюсти по крайней мере следующие основополагающие условия: 1) тщательная системная разработка концепции, принципов и стратегических направлений реформирования, ориентированных на освобождение крестьянства от любых форм произвола и эксплуатации, обеспечивая эволюционный ход

преобразований в течение длительного (не менее 20 лет) переходного периода; 2) государственное регулирование процессов реформирования с постепенным возмещением части тех многотриллионных астрономических сумм «перекачки» результатов крестьянского труда, за счет безмерной эксплуатации которого в ущерб самому сельскому хозяйству в значительной мере или в основном десятилетиями решались и продолжают решаться общие стратегические задачи всего общественного развития страны и 3) осуществление самого процесса реформирования не принятым в его начале набором скоропалительных и хаотичных мер, а путем их системного и целенаправленного проведения в полном соответствии с базовыми принципами социального рыночного хозяйства: личной свободой, экономической дееспособностью, социальной справедливостью, *с приоритетом последней на современном этапе и в ближайшей перспективе*. К сожалению, эти условия соблюдены не были и *не соблюдаются до сих пор*, что прежде всего проявляется на низком качестве и уровне жизни крестьянства и, как следствие этого, бедственном состоянии сельского хозяйства в стране.

В процессе рыночного реформирования важно было выбрать еще и такие методы государственного регулирования жизнедеятельности на селе, которые способствовали бы ее улучшению. На деле выбор этих методов, в том числе с построением нынешней вертикали власти с ее «административным ресурсом», оказался во многом неудачным или непродуманным, а во многом прежним – тем же советским. Стиль работы глав регионов и районов часто мало отличается от стиля работы прежних секретарей райкомов, обкомов и т.д., для которых крестьянин – безропотный исполнитель заданий, предписаний и указаний. В сочетании со стихийными или монополистскими проявлениями на рынке это породило масштабный провал в производстве, вело к разрушению его материально-технической базы, криминальным сделкам с землей. Напомним, что при всей непоследовательности

и половинчатости Крестьянской реформы 1861 г. и последующей Столыпинской реформы в сельском хозяйстве, особенно в начале XX в., наблюдался подъем и повышение уровня жизни самого крестьянства. Нарастал экспорт продукции сельского хозяйства.

Конечно, беспрецедентное падение отечественного сельскохозяйственного производства, сопоставимое с последствиями насильственной коллективизации, можно восполнить (и восполняется) такими же беспрецедентными (на сумму около 1 трлн р.) за всю российскую историю закупками продовольствия за рубежом. Но импорт продовольствия, объемы которого в сравнении с 1991 г. возросли почти в 5 раз, а за 2005–2007 гг. приходящиеся на реализацию «приоритетного» национального проекта «Развитие АПК» – в 2 раза, превысив объем реализации всей продукции сельского хозяйства в закупочных ценах, является одним из существенных изъянов проводимой агропродовольственной политики. Масштабный импорт, с одной стороны, служит прямой поддержкой бразильских, израильских, американских и других зарубежных фермеров, а с другой – душил отечественного производителя и в широком плане подрывает престиж России в глазах мирового сообщества, в том числе сообщества стран-членов ВТО, для вступления в которое страна уже 17 лет выступает в роли просителя, что во многом связанного с нынешним положением в российском сельском хозяйстве.

Но если, не считаясь с риском подрыва продовольственной безопасности в рамках проводимой аграрной политики, компенсацию провала в отечественном производстве продукции сельского хозяйства можно перекладывать на зарубежных фермеров, представляя для них рынок этой продукции в ущерб отечественным производителям, то исправлять удручающее положение в социальной сфере села, в сельской демографии придется самим, иначе все сельское хозяйство вместо его модернизации в лучшем случае будет продолжать влачить жалкое существование. Уже сейчас на обширной сельскохозяйственной территории Северо-

Запада, Северо-Востока, Урала, Поволжья, Сибири, даже Центра России, где уже вообще некому работать, о существовании прежних благополучных сел и деревень скорбно напоминают заросшие бурьяном и чертополохом их жалкие останки.

Выход из положения заключается в обеспечении действительного приоритета развития сельского хозяйства. Формально он провозглашен. Но, по сути, в этом важнейшем направлении аграрной политики пока преобладают полумеры, декларации или общие замыслы и пожелания, часто противоречивые. Так, в известной статье Президента РФ Д. Медведева «Россия, вперед!» говорится, что село, его социальная сфера является и «всегда будет оставаться нашим приоритетом», иначе говоря, предпочтением, первой обязанностью государства. Наоборот, министр финансов А. Кудрин, в принципе придерживаясь догмы о сельском хозяйстве как о «черной дыре» при подготовке и обсуждении бюджета страны на 2010 г., «указал», что социальные проблемы села для нас вообще «менее важные». В полном соответствии именно с этим указанием, а не позицией Президента и без того эта символическая составляющая в целом мизерного по своим параметрам аграрного бюджета была основательно сокращена. В итоге по своему социально-экономическому положению российский крестьянин так и остается «полуперсоной», что подтверждается соответствующими сравнительными показателями, характеризующими главное в его социально-экономическом положении – условия жизнедеятельности в деревне.

Уровень жизни сельского населения, и до нынешних реформ остававшийся крайне низким и существенно отстающим от городского уровня, за годы рыночных реформ значительно снизился. Возросло отставание от города и в общих социальных условиях жизни в сельской местности, хотя в годы реформ властями неоднократно декларировались решительные и масштабные сдвиги в этом определяющем для возрождения сельского хозяйства направлении аграрной политики. Таких сдвигов не

произошло. Наоборот, если среднедушевые располагаемые доходы сельских домохозяйств в 1990 г. достигали почти $\frac{8}{10}$ городского уровня, то в 2000 г. они снизились до 69%, а в 2008 г. – до 56% (5,8 тыс. р. в месяц). Среднемесячная оплата труда за этот период с 95% к среднему по экономике уровню снизилась до 47%, оставаясь самой низкой в сравнении с другими отраслями экономики. Еще большим является разрыв в размере пенсий.

Бедность, все более разрушающая трудовой и генетический потенциал села, остается массовым явлением. За ее порогом (по денежным доходам) находится более половины сельского населения. Бедность сейчас практически «концентрируется» в сельской местности, на которую приходится 40,4% всего малоимущего (по располагаемым ресурсам) населения России, притом что в селе проживает 27% общей численности населения страны. В наиболее бедственном положении находится детское население деревни.

В целом ситуация в социальной сфере села (общие условия жизнедеятельности в деревне) остается крайне неблагоприятной, что не только исключает возможности серьезной модернизации сельского хозяйства, но вызывает большую тревогу за будущее отрасли. В основной массе СХО отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная система медицинских, культурных и торгово-сбытовых услуг, нет современных образовательных учреждений. Село все более отстает от города по вводу жилой площади на 1000 населения. По данным социологических обследований 58% сельских жителей, в том числе 70% молодежи до 30 лет, нуждается в серьезном улучшении жилищных условий, а имеющийся сельский жилой фонд весьма низкого качества. В основной части этого фонда нет элементарных коммунальных удобств. Водопроводом оборудовано 42% площади сельских жилых помещений, центральным отоплением – 44, канализацией – 32, горячим водоснабжением – 20%.

Сеть участковых больниц по сравнению с 1990 г. сократилась на 1994 единицы (41%), фельдшерско-акушерских пунктов – на

3408 единиц (7%). На 10 тыс. человек в сельской местности приходится 55 больничных коек (в городе – 133 койки), обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями в расчете на 10 тыс. жителей на селе в 2,3 раза ниже, чем в городе.

Обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с городским меньше в 4,7 раза, а средним медицинским персоналом – в 1,9 раза. Число школ и других сельских общеобразовательных учреждений сократилось на 6,6 тыс. Сеть физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений сократилась на две трети, их единовременная пропускная способность составляет 10–15% норматива.

Число сельских домов культуры сократилось на 26%, библиотечный фонд села уменьшился на 71 млн экземпляров (17%). В расчете на 1 тыс. сельских поселений приходится 327 клубных учреждений против 410 в 1990 г. Число школ уменьшилось на 12 тыс. (25%), детских садов – на 21,5 тыс. (53%), клубов – на 19 тыс. (30%).

Из-за недостаточных объемов строительства и проводимого в условиях неразвитости дорожной сети мобильных и дистанционных форм обслуживания курса на концентрацию сети объектов образования, здравоохранения, культуры снижается территориальная доступность сельскому населению образовательных, медицинских, культурных, торговых и бытовых услуг. Охват детей дошкольным воспитанием составляет 42% против 66% в городе, обеспеченность сельского населения на 10 тыс. жителей амбулаториями – 35% городского уровня. Одна треть сельских населенных пунктов с численностью населения до 100 человек не охвачена ни стационарной, ни мобильной формой торгового обслуживания, бытовой сервис почти полностью разрушен. Остро стоит проблема обеспечения жителей села питьевой водой, выбытие водопроводных сетей из-за плохого технического состояния опережает их ввод.

Основная масса сельского населения живет в условиях ограниченного информаци-

онного поля или вообще находится в информационной изоляции. В одной трети сельских поселений отсутствует телефонная связь. Телефон в доме имеет только 27% сельских семей (среди горожан – 70%). Нетелефонизированной остается почти половина организаций социальной сферы и торгово-бытового обслуживания.

Из-за бездорожья и нехватки автобусного парка 64,3 тыс. сельских поселений остается без автобусного сообщения. Около $\frac{1}{3}$ сельских поселений не имеют подъездов по дорогам с твердым покрытием. Несмотря на это, ввод местных, ведомственных и внутрихозяйственных автомобильных дорог с твердым покрытием сократился за 2000–2007 гг. в 3 раза – с 5953,3 км в 2000 г. до 1960,7 км – в 2007 г. и продолжает сокращаться. В период между двумя последними переписями населения российское село утратило 10,7 тыс. населенных пунктов. Растет число поселений, не имеющих постоянных жителей.

Угрожающие размеры приняла алкоголизация сельского населения, являющаяся во многом следствием безработицы, бедности и состояния безысходности. За последние семь лет потребление алкоголя, преимущественного суррогатного, на одного члена сельского домохозяйства выросло вдвое и в целом значительно превышает показатели горожан. Равнодушных к спиртному, преобладавших в деревне в годы Крестьянской реформы 1861 г., сейчас почти не осталось. При этом наибольшее потребление алкоголя, особенно суррогатного, отмечается в наименее обеспеченных семьях, а это является прямой причиной высокой смертности сельского населения. Село «устойчиво» опережает город по случаям суицида на 1000 населения, в том числе в фермерских хозяйствах из-за барьеров в реализации их продукции, диспаритета цен, невозможности расплачиваться по кредитам и т.д., той же безысходности.

Все это, как и многое другое, свидетельствует о системной деградации сельской социальной сферы и ее трудового потенциала, главной производительной силы деревни, что

прежде всего и определяет общую отсталость, низкую эффективность и конкурентоспособность сельского хозяйства, его фактическую неспособность обеспечить продовольственную безопасность страны за счет отечественного производства. Такой неспособности не наблюдалось ни в годы проведения крестьянской (1861 г.) реформы, ни тем более в период осуществления Столыпинской реформы.

Рассмотренные удручающие социальные условия жизни и деятельности сельского населения, свидетельствуют о том, что нынешние реформаторы не извлекли уроков и не учли причин провала прежних попыток решить в стране крестьянский вопрос. В связи с тем необходима объективная, более предметная научная оценка проводимой в стране аграрной политики вообще и социальных обязательств государства в области сельского развития в особенности.

О СОЦИАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД КРЕСТЬЯНСТВОМ

Судя по выступлениям ответственных лиц, занятых управлением аграрной политикой, да и общей системой государственного управления, можно заключить, что в последние годы государство как будто взяло высокие обязательства социально развивать село, что они в целом успешно выполняются, а в ряде направлений даже перевыполняются. Проанализируем, что представляют собой эти обязательства и какова роль государства в их финансовом обеспечении. В соответствии с законом «О социальном развитии села» (1990 г.) на сельское хозяйство, в том числе на социальную сферу, необходимо выделять 15% национального дохода. Закон «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.) предусматривал, что основным источником такого обеспечения должен быть *федеральный бюджет*. Однако понятно,

что настоящий научно обоснованный подход к социальным обязательствам государства, которому следуют развитые страны современного мира, подменяется их «рассмотрением» или комментариями по поводу использования того, что оно «дает» сельскому хозяйству в форме консолидированного аграрного бюджета. Фактически по тому же «остаточному» принципу, какой применялся в советских колхозах, без сопоставления с тем, каков вклад крестьянства в создание национального дохода страны, на $\frac{9}{10}$ «перекачиваемого» из отрасли в пользу того же государства и субъектов монопольного окружения отрасли: переработчиков, торговцев, посредников, перекупщиков, спекулянтов и т.д. Здесь ситуация как две капли воды напоминает существовавшую на знаменитом необитаемом острове, когда один мужик накормил оказавшихся там двух генералов, отчего последние сделались «белыми и веселыми», за что пожаловали своего кормильца, этого «тунеядца», рюмкой водки да пятаком серебра.

Подлинно научный анализ содержания и параметров социальных обязательств государства перед крестьянством следует начинать не с того, что ему дают, а с того, что он создает и сколько у него забирают дающие, возвращая остатки от добытого крестьянским же трудом генеральского пирога. Как показывают расчеты по структуре стоимости товарной продукции сельского хозяйства в розничных ценах за 2007–2009 гг., ежегодно в пользу государства и подотчетных ему субъектов монопольного окружения сельского хозяйства через ножицы цен, другие фискальные изъятия из отрасли «перекачивается» 1,2–1,3 трлн р. созданного в ней валового дохода. В 2010 г. эта цифра меньше, – примерно 1 трлн р., а возвращается через аграрный бюджет та же $\frac{1}{10}$ этой суммы – 107 млрд р., в том числе непосредственным производителям – менее 30 млрд р. На социальное развитие выделено около 20 млрд р. (примерно по 500 р. на одного сельского жителя).

Но что это за обязательства, если на сельского жителя приходится около 1 тыс. р.,

а главное – что можно сделать для улучшения крестьянского быта за эти деньги? Причем в финансировании объектов социальной сферы федеральный бюджет участвовал на 18,6% (примерно 200 р. на сельского жителя). Однако при важнейшем общенациональном значении проблемы именно федеральный центр должен взять на себя основную долю финансирования. Факт вопиющей социальной несправедливости по отношению к селу состоит в том, что доля аграрной составляющей всего бюджета страны за последние годы снизилась до 1,3% на 27% сельского населения, против, например, 12% в Беларуси. Ни одна другая отрасль или социальная группа населения не подвергается таким фискальным изъятиям, как сельское хозяйство и крестьянство. А если учесть, что непосредственному производителю достается лишь $\frac{1}{4}$ мизерного аграрного бюджета, составляющего $\frac{1}{10}$ этих изъятий (остальное идет на содержание управленцев, обслуживающих структур, поддержку Россельхозбанка, Росагролизинга и т.д.), то встает вопрос: а существуют ли вообще эти обязательства или все сводится к общему разговору вокруг них?

Сокращение и без того символической, «остаточной», доли аграрного бюджета России в последние два года до примерно 3 тыс. р., или 100 долл. на сельского жителя (для сравнения: в развитых странах Запада этот показатель достигает 3–5 тыс. долл. и более, так, например, в Норвегии, годовая государственная поддержка составляет в расчете на сельского жителя 30 тыс. долл.) имеет решающее значение в осуществлении системной модернизации отрасли. В экономическом блоке правительства такое положение объясняют условиями кризиса, дефицитом бюджета. Но экономическим кризисом были охвачены и другие страны, в том числе, например, США. Однако правительство этой страны не пошло на сокращение аграрного бюджета, а, наоборот, увеличило его (за 2008–2010 гг. его сумма возросла с 92,9 млрд до 134,2 млрд долл.), причем эта сумма не включает 5 млрд долл., выделенных Управлением малого бизнеса США на развитие сельского предприни-

мательства, и 10 млрд долл., израсходованных Министерством транспорта на строительство сельских дорог. В России при почти сопоставимой численности сельского населения бюджетные назначения на «развитие» аграрного сектора снизились с 5 млрд до 3,5 млрд долл.

Вследствие монопольного окружения сельского хозяйства, несовершенной или явно недобросовестной конкуренции на рынке, судя по доле отрасли в конечной цене на продовольствие, «перекачка» имеет место и в других странах. Но там государство компенсирует потери сельского хозяйства в объеме до 40% (США) и более стоимости валовой продукции отрасли (в Норвегии – свыше 60%). В России эту компенсацию в размере 5% нельзя рассматривать иначе как подачку бедному родственнику, афишируемую как «выполнение» социальных обязательств перед крестьянством. Отсюда – противоположные направления изменений как в социально-экономическом положении занятых в сельском хозяйстве, так и в технологии и уровне сельскохозяйственного производства. О какой модернизации может идти речь при такой бюджетной политике в отношении села и других рассматриваемых направлений аграрной политики в целом, прежде всего ее социальной составляющей?

Для оправдания проводимой аграрной политики в социальном и других направлениях, прежде всего ценообразовании, ценовом регулировании, налогообложении, можно услышать, что «экономия» на бюджетных назначениях для сельского развития как бы «компенсируется» действующей системой кредитования сельхозпроизводителей. Но ни в национальных докладах о ходе выполнения Государственной программы развития сельского хозяйства на 2008–2012 гг., ни в выступлениях ответственных работников аграрного ведомства, Россельхозбанка и Росагролизинга и т.д. ничего не говорится об эффективности и финансово-экономических последствиях действующей системы кредитования сельского хозяйства. Повторяется лишь одна мысль, что оно льготное. Но о том, как оно влияет на материальное положение крестьянства, на эко-

номику отрасли, в какой мере стимулирует ее развитие, что дает самому государству и т.д., как правило, умалчивают.

На самом деле прямую и основную выгоду от этой системы имеют банки, которым государство компенсирует затраты на субсидирование процентной ставки рефинансирования Центробанка РФ. И не случайно в условиях нынешнего мирового кризиса Россельхозбанки, другие российские банки оказались лидерами по бонусам, выплачиваемым своим сотрудникам (19% против 3–7% в ряде других стран), при многократных различиях в основной оплате труда. То же самое происходит с товарным кредитом. За счет начислений на поставку техники хозяйствам и прямой государственной поддержки Госагролизинга его сотрудники получают зарплаты, на порядок превышающие оплату труда в СХО.

Что касается бедных сельских заемщиков, то ведь и субсидированные кредиты с процентными начислениями надо возвращать, а средств для такого возврата у большинства СХО нет, и многие из них берут заемные средства, заранее не рассчитывая расплачиваться по кредитам. В итоге сельское хозяйство оказалось в глубокой и безвылазной долговой яме, по сути, являющейся признаком фактического банкротства всей отрасли. Кредиторская задолженность сельских товаропроизводителей в 2009 г. достигла почти 1,3 трлн р., тогда как выручка от реализации всей сельскохозяйственной продукции составила 950 млрд р., а вся прибыль как главный источник погашения кредитов (рассчитанная при включении в издержки производства вдвое заниженной оплаты труда работников сельского хозяйства) – 83,6 млрд р. При сопоставимом, общественно необходимом уровне этой оплаты отрасль является фактически убыточной. Искусственное занижение оплаты как прямое следствие «перекачки», перечеркивающее принцип социальной справедливости по отношению к крестьянству, подрывает мотивацию производительного труда, снижает трудовую активность, ведет к оттоку из села трудоспособного населения, особенно молодежи. Отсюда при строго научном широ-

ком народнохозяйственном подходе к проблеме показываемая официальной статистикой рентабельность СХО в 3–5% вместо оптимально необходимых 20–25% – это фикция, своего рода «обман зрения».

Можно, конечно, как в советских колхозах, вообще ничего не платить за труд или «выдавать» за труд копейки, нетрудно конструировать еще более высокую рентабельность. Но на искаженных воспроизводственных пропорциях, обусловленных проводимой ценовой, бюджетной, кредитной, налоговой и в целом нынешней аграрной политикой, складывается ложное представление о действительном социально-экономическом положении в деревне. Если при оценке этого положения опираться на приведенные расчеты и сопоставления, характеризующие масштабы этих искажений, прежде всего и особенно в социальной составляющей этой политики, ее ресурсном обеспечении, то нетрудно представить грядущие губительные для крестьянства и всего сельского развития последствия.

ПРИОРИТЕТНАЯ ПОДДЕРЖКА КРЕСТЬЯНСТВА – ГАРАНТИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ И ОБЩЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

В концепции Крестьянской реформы 1861 г. и всей реформаторской деятельности Александра II четко просматривается приоритет сельского развития, радикального улучшения социально-экономического положения крестьянства как неперемнное условие достижения общего благополучия государства или, по словам Ф.М. Достоевского, «правильное отправление», иначе говоря, оздоровление всего национального организма. Верность этой стратегии задолго до начала реформы 1861 г. подтверждена поучительным опытом цивилизованных стран Европы, в частности Швейцарии. Уже в начале XVIII в., когда в

России царило крепостничество и вследствие этого масштабное расстройство всей общественно-политической системы страны, швейцарские крестьяне жили и трудились в условиях личной свободы и права собственности, дававших мощные стимулы общего прогресса в экономике и обществе. «Невозможно, – писал известный экономист и историк Ж.Ш. Сисмонди (кстати, почетный член Петербургской АН), – без восхищения видеть рубленные дома самых бедных крестьян – дома столь просторные, окруженные столь добротными оградами, столь нарядно покрытые резьбой. Внутри этих домов просторные коридоры разделяют комнаты членов семьи; кругом стоит тщательно поддерживаемая в порядке мебель, гардеробы полны белоснежного белья; молочная просторна, хорошо проветрена и блещет чистотой, под той же крышей хранятся огромные запасы зерна, солонины, сыра и дров; в коровниках стоит самая лучшая и самая ухоженная в Европе скотина; в саду растут цветы; мужчины и женщины одеты тепло и опрятно; на всех лицах – печать здоровья и силы. Пусть другие страны похваляются своими богатствами – Швейцария всегда может с гордостью показать на своих крестьян». Показывали и показывают на своих с той же печатью здоровья и силы крестьян как созидательную силу общего прогресса и благополучия многие другие, в том числе крупные, страны, в частности упомянутая выше Германия, Франция, Великобритания, Скандинавские и другие страны.

К сожалению, а это вытекает из рассмотренного выше социально-экономического положения российских крестьян, их лица в подавляющем большинстве выглядят бледными и изможденными, с печатью разочарования и безысходности. Одна из главных причин положения – поистине «любительское» отношение нынешних властей к приоритетности в распределении и использовании ограниченных ресурсов как основополагающему принципу социально ориентированной экономической политики государства вообще и аграрной политики в частности. В подсистеме приори-

тетов этой политики здравый смысл нередко подменяется стремлениями к внешнему эффекту, противоречивыми «соображениями» и личными предпочтениями ответственных лиц государства при выборе приоритетов или просто волевым, популистским решениям в рамках нынешней вертикали власти.

Именно поэтому приоритет сельского развития как гарантия продовольственной и поэтому национальной безопасности страны при его декларативном афишировании оказался на заднем плане. Казалось бы, при том уроне, который понесло сельское хозяйство в 2010 г. от стихийных сил природы, исчисляемом суммой примерно в 250 млрд р., тех фискальных изъятиях созданного крестьянским трудом валового дохода (пресловутой «перекачки») государство просто обязано было возместить этот урон, например, из 15 трлн р. почти не работающих на общество золотовалютных резервов. Однако на прямую компенсацию ущерба выделили лишь 10 млрд р. (менее 1% суммы «перекачки»). И это в условиях, когда по данным Министерства финансов РФ из расходной части бюджета 2010 г. министерства и ведомства не выбрали предназначенные им, но оказавшиеся почему-то «ненужными» 140 млрд р.

В других же, далеко не приоритетных или вообще вызывающих сомнения в целесообразности направлениях финансовые потоки исчисляются сотнями миллиардов, иногда вообще впустую потраченных рублей, для которых у многих «подсуетившихся» в мутных волнах приватизации россиян уже не хватает емкостей для их хранения или воображения, куда бездарно потратить. И все это происходит в условиях, когда страна страдает тяжелым недугом «голландской болезни» – следствием концептуальной несовместимости со стратегией устойчивого развития проводимой экономической политики. За ее однобокость – и как вследствие такой политики «сочетание» в ней курса на обкрадывание одних и без меры вознаграждение других – обществу, не думая о будущих поколениях, приходится расплачиваться расточением по всему миру все более

невозобновляемых природных богатств. Выручка от экспорта нефти и газа, вывозимого за рубеж в ущерб развитию отечественного животноводства и производства зерна, достается кому угодно, но только не российскому селу, не его крестьянству.

Бесспорно, приоритетом можно объявить, например, организацию в стране олимпиад, чемпионатов, развитие спорта в целом, повышение престижа страны в этой области на мировом спортивном пространстве. Но этот приоритет абсолютно несравним с приоритетом сельского хозяйства уже потому, что в требовании «хлеба и зрелищ» на первом месте стоит хлеб, продовольствие, поскольку без него, когда «заговорит желудок», человеку не до спортивных игр и зрелищ. Но, во-первых, занятие спортом, физической культурой зависит прежде всего от самого человека, и миллионы людей в мире преуспевают в этом, не заглядывая во дворцы спорта, на обустроенные стадионы и т.д. Во-вторых, в самом спорте и физической культуре важна массовость, вплоть до организованного использования для этого какого-то времени на рабочих местах, как это, например, не без пользы для здоровья (и дела) практиковалось в советские годы. А эта массовость в стране сегодня практически отсутствует.

Что же касается спорта как зрелища, при всей его привлекательности для болельщиков и склонных к беспорядкам фанатов, то запросы этой шумной части населения страны необходимо соотносить с возможностями, общим состоянием экономики и общества, не подрывая приоритетов первостепенной важности и тем более не поддаваясь эйфории по поводу, например, выбора нашей страны для проведения (с затратами многих десятков миллиардов долларов) Олимпиады–2014, Чемпионата мира по футболу в 2018 г. и т.д., объявленных уже «якобы победой» России. О победе (причем в узком спортивном смысле) можно говорить по самим результатам, а с результатами у нас пока неблагополучно, причем во многом вследствие односторонней спортивной политики, не обеспечивающей в стра-

не массовости спорта и физической культуры в целом. Поэтому преждевременная эйфория от победы может закончиться всеобщим дорогостоящим разочарованием.

Престижно, конечно, что стране временами отдают предпочтение для проведения международных спортивных и иных мероприятий, но ведь это происходит далеко не потому, что мы очень хорошие, что у нас царилась социальная гармония в обществе, все в порядке с правами человека, независимостью суда, искоренением коррупции и т.д. Выбор во многом и даже прежде всего определяется более «приземленными» соображениями: гарантиями безопасности (особенно в условиях жесткой вертикали власти), опытом и возможностями организации, природными условиями и т.д. – и не в последнюю очередь щедротами финансирования за счет тех же нефтедолларов (независимо от того, возьмут ли их из бюджета или заставят «раскошелиться», в частности, Абрамовича). Самим выбором не надо обольщаться. Ведь на проведение Всемирной олимпиады в 1936 г. предпочтение отдавалось Германии в период триумфа там национал-социализма, вскоре потерпевшего фиаско, а в 1980 г. – Советскому Союзу в период застоя, или, как декларировалось, «развитого социализма», через те же десять лет развалившемуся. Отсюда эйфория и преждевременные эмоции по поводу «победы», по самому факту спортивных и иных предпочтений не должны сопровождаться расточительством ограниченных ресурсов на такие и далеко не приоритетные в нынешней ситуации в стране предпочтения и не уводить от решения основополагающих глобальных проблем системной модернизации России. Острейшей и приоритетной проблемой является модернизация сельского хозяйства как первичной базовой отрасли экономики с особым акцентом на радикальные преобразования несовместимых с принципами социального государства сложившихся условий жизни и труда российского крестьянства. К сожалению, преодоление этой остроты не заложено в проводимую ныне аграрную политику.

* * *

Из представленного анализа следует вывод, что исторические уроки ни Крестьянской реформы 1861 г., ни тем более аграрной реформы П.А. Столыпина, равно как и мировой опыт социально ориентированных аграрных преобразований, основанных на приоритете сельского развития, для современных российских реформаторов оказался мало поучительным. В связи с этим необходима принципиальная переориентация и соответствующие функциональные и структурные изменения аграрной политики, ориентированные на обеспечение этого приоритета. Обоснования по определяющим направлениям такой переориентации изложены мною в настоящем журнале в статье «Сельское хозяйство под прессом межотраслевых и макроэкономических деформаций» (№ 3, 2009 г.), в которой определены пути перехода от полумер и деклараций в реализации принципа приоритетности сельского развития к полномасштабным общегосударственным практическим решениям, направленным на его ресурсное обеспечение с акцентом на особый и неотложный приоритет радикального преобразования социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной сети, системы связи и информационного обслуживания села, с адекватным законодательным закреплением этого приоритета. В развитие содержащейся в статье постановки вопроса о необходимом для такого перехода финансовом наполнении аграрного бюджета и его социального сегмента можно указать на использование перераспределительных механизмов и имеющихся реальных источников, среди которых:

- сокращение масштабов (или компенсация суммы) «перекачки» по меньшей мере на 50%, т.е. до 500–600 млрд р., с увеличением бюджетных назначений, прежде всего федерального уровня, до 600–700 млрд р. в год, что на деле будет означать осуществление принципа социальной справедливости в отношении российского крестьянства и наполнит социальные обязательства перед ним необходимым финансовым содержанием;

- введение налога на роскошь и прогрессивной шкалы подоходного налога, возражения против которой характеризуются очевидной несостоятельностью аргументов, порождают взрывоопасную социальную дифференциацию в обществе, расточительность ресурсов со стороны граждан незаслуженно обогащающихся на этой несовместимой с принципом социального государства налоговой системе страны;

- часть природной ренты, полностью присваиваемой государством и предпринимателями добывающих отраслей (напомню, что сейчас из сельского хозяйства изымается и перераспределяется в пользу государства и субъектов монопольного окружения отрасли почти весь чистый доход, вся земельная рента и около половины общественно необходимого фонда оплаты труда работников сельского хозяйства);

- доходы от продажи земель сельскохозяйственного назначения;

- выручка от продовольственного экспорта, а также другие возможные источники из многомиллиардных денежных потоков, вращающихся во второстепенных, далеко не приоритетных, во многом коррупционных сферах и структурах экономики и общества, абсолютно не затрагивающих насущных, объективно обусловленных потребностей и нужд села.

Наряду с ресурсным обеспечением приоритета модернизации социальных условий жизнедеятельности крестьянства и в связи с этим непосредственно аграрного производства, необходимо следующее.

1. Решительное упорядочение методов и механизмов использования ценовой, кредитной и налоговой составляющих аграрной политики и соответствующих подсистем государственного регулирования сельского хозяйства, которое позволит существенно повысить эффективность задействованных в этих подсистемах финансовых ресурсов. В странах с развитым сельским хозяйством, становлению которого во многом способствовало указанное упорядочение, ценовая составляющая достигает 80% общих сумм господдержки

сельского хозяйства, что даже при мизерных процентных ставках позволяет фермерам до необходимого минимума сократить использование заемных средств, в том числе на сезонные нужды, и избавиться от долговой зависимости по кредитам.

У нас, наоборот, примерно те же 80% поддержки приходится на ресурсорасточительные для государства, но выгодные банкирам и малоэффективным для СХО (ведущие их в долговую яму) заемные средства. Прямая поддержка аграрных цен до оптимального уровня рентабельности явится действенным рычагом нормализации финансового положения хозяйств, условием повышения оплаты и, следовательно, мотивации труда, а также принципиального изменения ситуации в самой системе кредитования, в том числе сократит саму потребность в кредитах, выдаваемых сейчас под ростовщические процентные ставки. Предлагаемое упорядочение предполагает списание кредиторской задолженности СХО, как возникшей не по их злому умыслу, а вследствие непрофессионализма государственного управления, особенно перекосов использования в его системе ценового и других экономических рычагов рыночного регулирования, необоснованных фискальных изъятий доходов хозяйств. Необходимо также освобождение от подоходного налога предприятий, рентабельность производства в которых ниже 15%.

2. Во взаимосвязи с радикальными изменениями в использовании названных рычагов экономического механизма регулирования сельского хозяйства перестроить весь этот механизм, включая его внутривладельческую составляющую, прежде всего в крупных СХО, особенно в гигантских агрохолдингах, в соответствии с принципами социального рыночного хозяйства. Эта перестройка крайне необходима потому, что в целом применяемые рычаги и инструменты экономического механизма аграрного сектора и всего АПК во многом или вообще не согласованы, или должным образом не взаимодействуют и в целом не образуют единой, слаженно функционирующей

системы. В итоге ослабляются или подрываются функции и сами основы эффективного государственного регулирования и управления, а те скудные ресурсы аграрного бюджета, на $\frac{3}{4}$ вообще не доходящие непосредственно до сельхозпроизводителей, не дают должной отдачи.

3. В тесной увязке с формированием адекватного принципам социального рыночного хозяйства экономического механизма осуществить преобразование сложившегося аграрного законодательства, отличающегося той же несогласованностью, противоречивостью или очевидной запутанностью многих принципиально важных правовых норм. Это относится к законам о сельскохозяйственной кооперации, об обороте земель сельскохозяйственного назначения, многим другим правовым и нормативным актам, в том числе к базовому закону о сельском хозяйстве, с его декларативным, тезисным, во многом беспредметным содержанием.

Для серьезного государственного решения проблемы радикального упорядочения аграрного законодательства, приведения его в единую, согласованную и в целом внятную систему необходимо, опираясь на опыт стран с высокоразвитым аграрным сектором, разработать единый полноценный Федеральный закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. Такой закон должен определять и детализировать как основные направления аграрной политики с принятием соответствующих государственных целевых программ и проектов, так и формы, методы, размеры и механизмы активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села, меры ответственности и другие условия, обеспечивающие динамичное развитие непосредственно аграрного производства и действительно радикальные изменения в условиях труда и жизни сельских производителей. Поправки, уточнения, дополнения, прочие «улучшения» разобщенного, бессистемного и потому стимулирующего ресурсорасточительство аграрного законодательства будут все более уводить

в сторону от насущных задач серьезных изменений в нынешнем бедственном социально-экономическом положении российского крестьянства.

4. Поднять престиж и уровень общегосударственного лоббирования интересов крестьянства и насущных нужд села на политическом поле страны, соответственно в системе законодательной власти.

В видеоблоге, показанном по телевидению 24 ноября 2010 г., Президент РФ Д. Медведев говорил, что для становления настоящей демократической политической системы должно стать нормой, чтобы в обществе был слышен голос самых малых социальных групп, а в идеале – каждого человека.

Пока голоса 40-миллионного крестьянского населения в этой системе и обществе в целом практически не слышно, особенно по глобальным вопросам радикального изменения нынешнего его социально-экономического положения. Хотя слабым, но услышанным в обществе голосом был голос крестьянских депутатов в царской Государственной думе. Пусть формально, но в советском Верховном Совете депутатами были рядовые крестьяне, механизаторы, доярки и т.д. В нынешней Думе заявляют о своих сообществах и артисты, и спортсмены, но совсем не слышно голоса целого класса – представителя важнейшей базовой отрасли экономики. В начале аграрных преобразований возникла и быстро ушла в небытие Крестьянская партия. На задворках политического пространства недолго просуществовала слабая Аграрная партия, которая судя по числу народных избранников не внушала доверия у самих сельских жителей и в конце концов без остатка растворилась в рядах правящей партии. Судя по голосованию за аграрный бюджет глобальные вопросы возрождения села, на которые пытаются обратить внимание в Госдуме представители мало что решающих оппозиционных партий, эту партию не особенно интересуют. Собиралось поднять во весь рост эти вопросы намечавшееся три года назад российское аграрное движение, но, видимо, из-за этого «дерзкого»

замысла сейчас ничего не слышно ни о реальных делах, ни о самом существовании этого движения.

Очевидно, что при таком исключении крестьянства из политической жизни и информационного поля страны рассуждения о становлении развитого гражданского общества, правового государства, о его социальных обязательствах перед селом, о приоритете последнего в экономической политике и т.д., остаются больше разговорами о намерениях, общими декларациями, обрекающими сельское хозяйство, его главный – трудовой – потенциал на дальнейшую деградацию.

Все вышеизложенное позволяет сделать обобщающее заключение о том, что сейчас, в условиях растущего обострения мировой продовольственной проблемы и особенно в связи со сложившейся ситуацией на российском «аграрном фронте» в 2010 г., когда с прилавков магазинов временно исчезла одна только гречка, а динамика продовольственных цен приводит во все большее напряжение нервы простых жителей городов да и самого села, когда притихла эйфория по поводу экспорта 50 млн т зерна и т.д., становится особенно очевидной необходимость принять решительные государственные меры по приведенным и вытекающим из них другим направлениям принципиальной переориентации аграрной политики на радикальное улучшение социально-экономического положения крестьянства. Без такого улучшения и повышения трудовой активности и профессионализма тружеников села и во взаимосвязи с этим – действительной и системной модернизации сельского хозяйства – неизбежно возрастание угрозы продовольственной и общей национальной безопасности страны.

Нет необходимости говорить о крайней ненадежности продовольственного импорта и в части поставок, и в отношении качества продукции. И не хочется думать (что и делают власти, конструкторы и проводники этой односторонней и уязвимой аграрной политики) о том, какой трагедией для народа может обернуться сужение, а тем более перекрытие по

тем или иным причинам импортных каналов снабжения продуктами питания. А полагаться на то, что ситуацию автоматически изменит принятая Доктрина продовольственной безопасности страны, в которой, к сожалению, осуществление принципа приоритетности сельского развития не просматривается, а преобладают замыслы, декларации, «официальные взгляды» и общие места, – значит, не считаясь с уроками истории и прогрессивным мировым опытом, тешить себя иллюзиями и не представлять реальности этой угрозы для будущего России. То, что крестьянство открыто не демонстрирует недовольства своим униженным социально-экономическим положением, не объявляет голодовок, не выходит толпами выражать это недовольство на свои «манежи», не должно успокаивать власти, поскольку и молчаливый протест таит в себе разрушительные импульсы. Опираясь на уроки истории, Ключевский писал, что «личность, раздражаемая постоянным оскорблением ее прав, способна разрушить самые необходимые основания человеческого общества».

Литература

- Аграрный протекционизм: научные основы и механизм осуществления в рыночных условиях / Под ред. И.Н. Буздалова. М.: ЭРД, 2007.
- Буздалов И.Н. Сельское хозяйство под прессом межотраслевых и макроэкономических деформаций // *Экономическая наука современной России*. 2009. № 3.
- Буздалов И.Н. «Перекачка» как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // *Вопросы экономики*. 2009. № 10.
- Достоевский Ф.М. *Дневник писателя*. М.: Изд-во Мысль, 1989. С. 435.
- Горький М. *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922. С. 43–44.
- Громько М.М. *Мир русской деревни*. М.: Колос, 1991.
- Витте С.Ю. *Избранные воспоминания*. М.: Мысль, 1991. С. 121, 131, 506.
- Зайончковский П.А. *Отмена крепостного права в России*. 3-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1968.
- Крестьянская реформа в России 1861 года: Сборник законодательных актов*. М.: Юрид. лит., 1954.
- Ковальченко И.Д. *Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.* М., 1967.
- Менделеев Д.И. *Работы по сельскому хозяйству и лесоводству*. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Никонов А.А. *Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России*. М.: ЭРД, 1995.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 8. С. 208.
- Милль Дж.С. *Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии: В 3 т.* М.: Прогресс, 1990. Т. I. Гл. IV: *О крестьянах-собственниках*. С. 414–415.
- Милосердов В.В. *Многострадальное российское крестьянство*. М.: Колос, 2010.
- Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. СПб., 1904. Т. 1.
- Салтыков-Щедрин М.Е. *Соч.*: В 10 т. Т. 7. С. 13. М.: Правда, 1988.
- Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию*. М.: Росинформгротех, 2010.
- Трейсли Майкл. *Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран*. СПб.: Экономическая школа, 1995.

Рукопись поступила в редакцию 17.01.2011 г.